

Отцю же и сынови		духу животворя	
	ну		щу
Богу равноапостоль		святому всясвяты	
Богу . . . ^a	бо	свет от св	
	зе		ета
В простом сло		а в в . . . ^a	л
Воспева	и сла	честь поклоне	
	ние	ва	ние
Велича	держа	благодаре	
Благословив	на	сей Алфо	
	шему	чати	вит ²⁸
И способив	скои	и сосло	

Индивидуальными литературными достоинствами, на наш взгляд, обладает и концовка «Повести о некоей брани», обычно цитируемая только в качестве образца «описательной цифровой системы», — своего рода загадки или шарады, как определял его М. Н. Сперанский.²⁹ Дело в том, что перед нами не только зашифрованное имя автора, но и литературный образ крепкого воинства: «Пятерица полководцов и под ними четьреста пешец, и двесте конник, и оруженосцов триста, крепких же воин со единым сильным, и паки триста, и пятнадесять оружников». Это своего рода военный парад, боевой смотр. Читая эту концовку, невольно вспоминаешь, что автор участвовал в сборе патриотических сил — в ком-плектовании народного ополчения: ведь он был направлен «во многие грады с царскими епистолиями на собрание чина воинскаго, в супротивле-ние тех окаянных предиреченных врагов и разорителей».

Таким образом, сложившееся представление об авторе «Повести о не-коей брани» как о писателе без литературного дарования,³⁰ может быть, заслуживает пересмотра. Жизненный путь и облик Евстратия все еще мало известны, недаром мы находим в повести такие строки: «вси бо забвению и неведению подлежат: овы убо меньше, овы же больше, вси же друг друга требуем и совета и помощи». Однако кем бы ни был Евстратий — подъячим или дьяком Посольского приказа, сменившим светское платье на иноческое облачение, — нельзя не видеть в нем участ-ника патриотического движения в борьбе против польско-литовских ин-тервентов; нельзя не учитывать его незаурядной образованности и начи-танности в сочинениях философского и грамматического характера; нельзя забывать, что он был не чужд стихотворных штудий, свидетельст-вующих о его самостоятельных литературных поисках, в то же время основанных на традициях средневековой поэтики; нельзя, наконец, отка-зать Евстратию в тонком художественном вкусе каллиграфа. Его изящ-ный почерк, выбор орнаментальных обрамлений, восходящих к книжному старопечатному орнаменту западноевропейского характера, тактичное пользование киноварью — все выдает в нем артистичную натуру. Для ха-рактеристики идейных позиций Евстратия немаловажное значение может иметь также его приверженность к роду князей Шуйских, уже отмечав-

^a Зачеркнуто.

²⁸ Далее следует приписка на польском языке, по мнению А. М. Панченко, вы-ражающая резко отрицательное отношение к этим стихам, довольно основательно за-черкнутым (см. фотоотпечаток). По-видимому, в результате этого вмешательства в судьбу стихотворения на него не обратили внимания ни при публикации Отчета Публичной библиотеки (1885 г.), ни при подготовке работы А. В. Пруссак (1915 г.). В настоящее время стихотворение включено в издание: А. М. Панченко. Силла-бическая поэзия XVII—начала XVIII в. (в серии «Библиотека поэта»). Л., 1970.

²⁹ М. Н. Сперанский. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. . . , стр. 113—114.

³⁰ С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани, стр. 21—22.